

УДК 902«638»(571.1)

ББК 63.442.7(253.3)-413

Детские погребения сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I в Центральном Алтае*

С.С. Матренин¹, С.С. Тур²

¹Барнаульский юридический институт МВД России (Барнаул, Россия)

²Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Children's Graves of the Xianbei-Zhouzhan Time from the Stepushka-I Burial Mound in Central Altai

S.S. Matrenin¹, S.S. Tur²

¹Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russia)

²Altai State University (Barnaul, Russia)

Публикуются материалы четырех детских захоронений булан-кобинской культуры из погребального памятника Степушка-I (Онгудайский район Республики Алтай), полностью раскопанного в 2010 г. экспедицией Алтайского государственного университета. Могильник Степушка-I является базовым комплексом сяньбийско-жужанского времени Южной Сибири. Изучение сопроводительного инвентаря позволило датировать данный комплекс объектов IV — началом V в. н.э. Такая относительная хронология подтвердилась радиоуглеродным анализом. Авторами проведен сравнительный анализ полученных материалов с результатами исследования детских захоронений в курганной группе Степушка-II. Были уточнены особенности планиграфии детских захоронений. Обнаруженный вещевой комплекс демонстрирует социальную неоднородность населения Алтая в сяньбийско-жужанское время, а также документирует сложные условия существования популяции, оставившей могильник Степушка. Внимание уделено социальной интерпретации погребений. Опубликованные материалы расширяют корпус археологических источников для реконструкции демографической и социальной структуры кочевого населения региона в эпоху Великого переселения народов.

Ключевые слова: Алтай, булан-кобинская культура, сяньбийско-жужанское время, кочевники, погребальный обряд, детские захоронения, планиграфия, сопроводительный инвентарь.

The article publishes materials concerning four children's graves of Bulan-Koby Culture from the Stepushka-I burial mound (the Ongudai area of the Altai Republic), fully excavated in 2010 by the expedition of Altai State University. The Stepushka-I burial ground is a basic complex of the Xianbei-Zhouzhan Time of Southern Siberia. The study of the related inventory allows us to establish the dating of the complex of objects from the 4th to the beginning of the 5th century A.D. This chronology is confirmed by results of the radio-carbon analysis. The authors conducted a comparative analysis of the obtained materials, comparing their data with the results of researching of children's graves from the Stepushka-II mound group. The study clarifies the specifics of planigraphy of children's graves.

The comprehensive study of the things shows the complex social heterogeneity of the population of the Altai mountains in the Xianbei-Zhouzhan Time, and also discloses extreme conditions of existence of the population, which left the Stepushka burial ground. The emphasis is made on the social interpretation of the burials.

The published materials expand the basis of archaeological sources for the reconstruction of the demographic and social structure of the nomadic populations of the region in the era of the great migration.

Key words: Altai, Bulan-Koby Culture, the Xianbei-Zhouzhan Time, nomads, funeral rites, children's graves, planigraphy, related equipment.

DOI 10.14258/izvasu(2017)2-40

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект №16-06-00254 «Кочевники Горного Алтая гунно-сарматского времени: биоархеологические реконструкции».

Могильник Степушка относится к числу полностью раскопанных некрополей булан-кобинской культуры, содержащих захоронения всех половозрастных групп населения сянбийско-жужанского времени. Обозначенный памятник был исследован в 2010 г. в окрестностях одноименного селения Онгудайского района Республики Алтай на третьей надпойменной террасе правого берега р. Урсул. По террасе в настоящее время проходит асфальтированное полотно примыкания к Чуйскому тракту от 651 км автодороги [1–6]. Цель настоящей статьи — ввести в научный оборот результаты изучения детских захоронений погребального комплекса Степушка-I, а также осуществить хронологическую и социальную интерпретацию полученных материалов¹. Такое исследование даст возможность составить полноценное представление о специфике погребального обряда детской части популяции кочевников, оставивших некрополь Степушка.

Характеристика полученного материала. В соответствии с принятой в отечественной антропологии систематикой к детскому возрасту относятся индивиды моложе 12 лет, классифицируемые на возрастные подгруппы *Infantilis-I* (до 6 лет) и *Infantilis-II* (от 7 лет) [7, с. 130]. На могильнике Степушка-I погребения обозначенной категории людей исследованы в четырех курганах.

Курган №5а располагался на северной оконечности могильника и соприкасался южной стороной с курганом №5, в котором было исследовано захоронение обезглавленного мужчины [8]. Диаметр каменной насыпи по крепиде составлял 1,35 м, максимальная высота 0,15 м. В пределах наброски находилась овальная яма длиной 0,9 м, шириной 0,4 м, вытянутая по линии ЗСЗ — ВЮВ. На отметке 0,5 м от древнего горизонта зафиксировано погребение ребенка 5–6 лет, уложенного на спину с согнутыми в коленях ногами на правую сторону, головой ориентированного на ЗСЗ (рис. 1. -1). Голова ребенка была сильно наклонена вперед. Руки располагались вдоль туловища. Кисть левой руки покоилась на костях таза. Отмеченные особенности позы умершего были обусловлены малыми размерами ямы: ребенка просто втиснули в могилу, которая явно была меньше, чем его рост. Возле правого локтя погребенного найден керамический сосуд (рис. 1. -5).

Курган №15 находился на восточной окраине могильника, примыкая северо-восточным краем к насыпи кургана №19, содержащего захоронение мужчины с богатым воинским инвентарем [9]. Представлял собой уплощенную насыпь овальной формы размерами

4х3,1 м, высотой 0,3 м из рваных камней, вытянутую продольной осью с северо-запада на юго-восток. По контуру выявлена овальная крепида длиной 3 м, шириной 2 м, ориентированная по линии ЗСЗ — ВЮВ. В границах выкладки находилась могильная яма прямоугольной формы с направлением длинной оси СЗ — ЮВ. Она имела прямые отвесные стенки. Длина ее в придонной части составляла 2,2 м, ширина — 0,9 м. Максимальный показатель глубины от уровня древнего горизонта — 0,7 м. На дне находился каменный ящик без перекрытия, возведенный из девяти плит, установленных на ребро. Внутри на земляном дне расчищено непотревоженное захоронение мужчины 35–40 лет и ребенка возрастом около двух лет, уложенных вытянуто на спину с прямыми ногами, головами, обращенными в северо-западный сектор (рис. 1. -2). Костяк взрослого человека частично перекрывал останки ребенка. На скелете мужчины имелись следы насильственной смерти: отрублено предплечье правой руки, отрубленная стопа левой ноги лежала между колен, а в правой глазнице черепа застрял костяной наконечник стрелы. Сопроводительный инвентарь при ребенке отсутствовал.

Курган №21 находился на юго-восточной периферии могильного поля в 2 м к северо-западу от самого крайнего с востока захоронения №17, содержащего захоронение юноши 15–16 лет. Имел плоскую овальную насыпь 3,8 х 3 м, высотой 0,3 м из рваных камней в один-три слоя. При разборке обнаружена овальная крепида размерами 3 х 1,6 м, ориентированная с северо-запада на юго-восток. В границах выкладки находилась могильная яма овальной формы длиной 1,6 м, шириной 0,8 м. В ней на глубине 1,15 м от уровня древнего горизонта размещалось захоронение верхового коня, уложенного на левый бок с подогнутыми ногами и обращенного головой на юго-восток. В челюстях животного стиснуты железные удила с роговыми псалиями (рис. 2 -1, 7, 8). В южной стенке могилы был устроен подбой шириной 0,6 м. Его свод начинался с глубины 0,4 м от погребенной почвы и продолжался до отметки –1,05 м, что на 0,1 м выше уровня dna входной части ямы. У входа в нишу располагались три каменные плиты, установленные первоначально на ребро, которые имитировали ящик. Внутри этой конструкции расчищено непотревоженное захоронение ребенка 5–6 лет, уложенного вытянуто на спину с прямыми нижними конечностями, ориентированного головой на юго-восток (рис. 1. -3). Умерший был снабжен разнообразным инвентарем.

¹В процессе аварийных раскопочных работ единый некрополь был условно разделен на две курганные группы. Восточная группа курганов и выкладок (могильник Степушка-I) изучалась экспедицией Алтайского государственного университета. Группа объектов на западной половине кладбища, обозначенная как могильник Степушка-II, исследовалась археологами Горно-Алтайского государственного университета. В общей сложности на памятнике вскрыто 64 погребальных объекта (среди них 10 кенотафов) и 33 ритуальных выкладки.

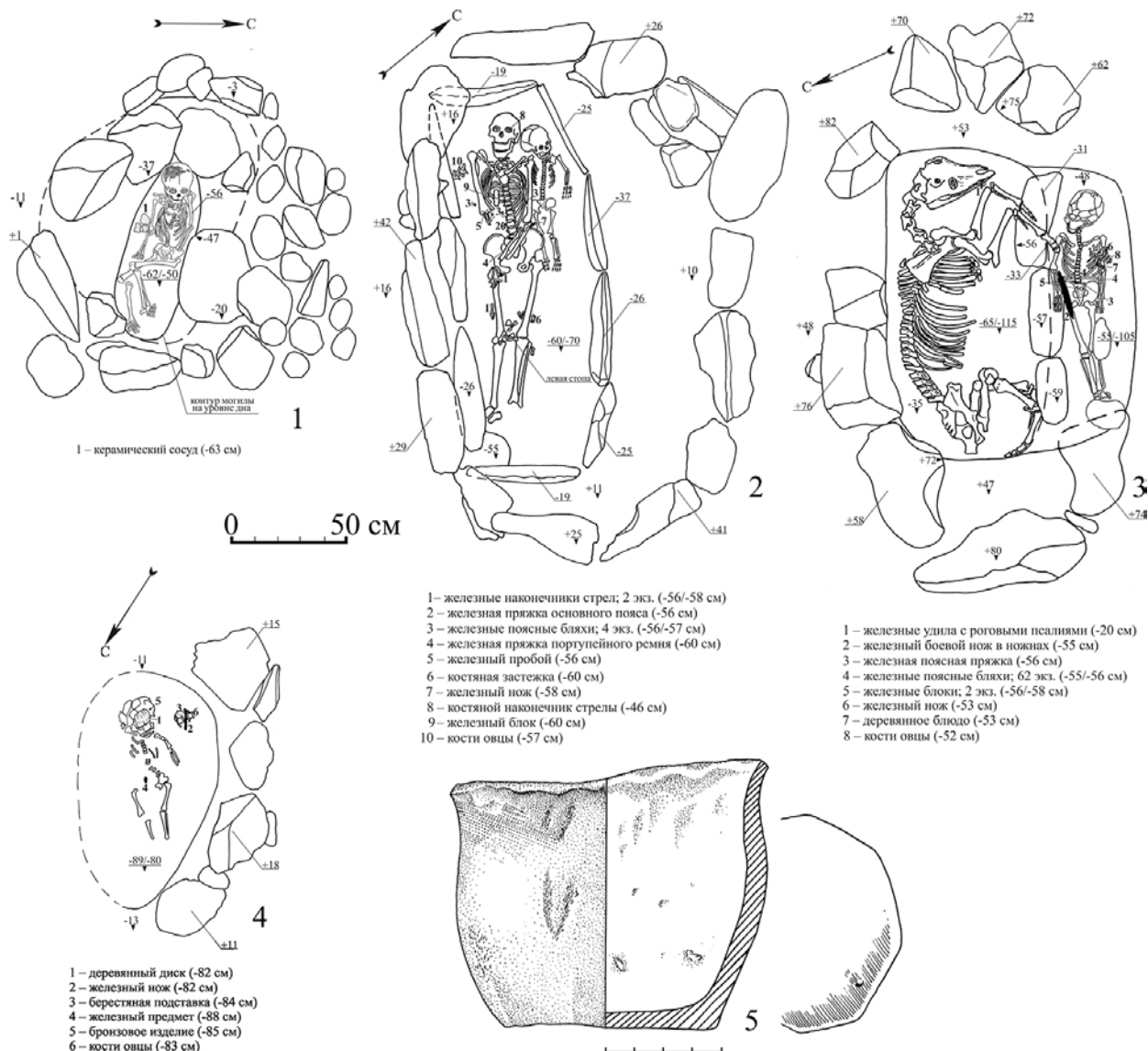

Рис. 1. Детские погребения могильника Степушка-I. Планы захоронений: 1 — курган №5а; 2 — курган №15, 3 — курган №21; 4 — курган №24. 5 — керамический сосуд из кургана №5а

На левой половине грудной клетки выявлен фрагмент деревянного блюда (рис. 2. -10) с железным коротколезвийным ножом (рис. 2. -9) и костями крестца овцы. В области таза и выше него зафиксирована железная гарнитура наборного пояса (рис. 2. -2-6, 11-23). У правого крыла таза острием в направлении ног лежал железный боевой нож в ножнах (рис. 2. -34, 35). Там же найдены мелкие фрагменты железных пластин (рис. 2. -24-33), которые, видимо, крепились к деревянной основе ножен.

Курган №24 был самым крайним на восточном участке могильника, располагался вплотную с юго-восточной полой кургана №19. Большая часть насыпи была уничтожена при строительстве технологической дороги. В границах насыпи первоначально с кольцевой крепидой в основании выявлена мо-

гильная яма овальной формы размерами 1,2 × 0,7 м, глубиной 0,8 м, вытянутая длинной осью по линии СЗ — ЮВ. Яма имела прямые отвесные стенки без дополнительных конструкций. На ее дне расчищено непотревоженное одиночное захоронение ребенка в возрасте около двух лет, лежащего вытянуто на спине, головой ориентированного на юго-восток (рис. 1. -4). В 0,1 м слева от черепа располагалась берестяная подставка (рис. 2.-37), на которой лежали позвонки овцы и железный коротколезвийный нож (рис. 2. -41). На голове ребенка зафиксирован деревянный дисковидный предмет (рис. 2. -38), а рядом с ним небольшой фрагмент бронзового изделия (рис. 2. -40). В районе пояса ребенка найден сильно корродированный обломок железного предмета (рис. 2. -39).

Сохранившиеся насыпи детских курганов представляли собой плоские каменные наброски размера от 1,35 до 4 м, высотой 0,15–0,3 м из рваного камня с добавлением галечника, имели в основании крепиду овальной или округлой формы. У кургана №24 такая наземная конструкция была почти полностью уничтожена. Под насыпями располагалась одна могила прямоугольной или овальной формы, ориентированная длинной осью по линии запад – восток, с разными отклонениями от нее. Ямы одиночных детских захоронений были преимущественно с отвесными стенками длиной и шириной в пределах 0,9–1,65 и 0,4–0,7 м соответственно, глубиной от уровня древнего горизонта от 0,4 до 0,8 м. В кургане №21 находилась могила размерами 1,6 x 0,8 м, глубиной 1–1,15 м с подбоем для человека в южной стенке. Погребальные камеры представлены каменным ящиком (курган №15), имитацией каменно-деревянного ящика (курган №21), а также ямами без внутримогильных конструкций (курганы №5а, 24). Большинство погребений были совершены по обряду одиночной ингумации, в одном случае в сопровождении верхового коня, уложенного вдоль северной стенки могилы ниже уровня человека (курган №21). Курган №15 содержал парное погребение мужчины и ребенка. Умершие укладывались на спину с вытянутыми или слегка согнутыми в коленях ногами, головой в восточный (курганы №21, 24) и западный (курганы 5а, №15) секторы с разными отклонениями. В курганах №21, №24 отмечены свидетельства помещения мясной пищи, фиксируемой по костям овцы (позвонки пояснично-крестцового отдела) в области головы покойных. Установлено, что она размещалась на деревянном блюде (курган №21) либо на берестяной подставке (курган №24). Рядом с мясной пищей лежал коротколезвийный нож.

Таким образом, детские захоронения могильника Степушка-I отличались от погребений взрослого населения меньшими размерами насыпей и могил и составом сопроводительного инвентаря.

Анализ археологических источников. Публикуемые археологические источники дают возможность составить представление о специфике детского погребального обряда населения, оставившего некрополь Степушка, на основе сравнительного анализа полученных данных с выводами о детских захоронениях из курганной группы Степушка-II [5; 10]. Изучение планиграфии могильника Степушка-I показало, что все детские захоронения устраивались рядом с погребениями мужчин. В двух случаях (курганы №5, 15) было установлено, что взрослые люди были убиты в ходе военных столкновений, так как имели не совместимые с жизнью боевые травмы [8; 11]. Важно подчеркнуть, что все детские захоронения располагались ближе к периферии кладбища. В непосредственной близости от курганов №5а и №15 размещались кенотафы (курганы №16, 18, 20, 22).

Раскопанные в курганной группе Степушка-I детские захоронения условно соотносятся с тремя погребальными традициями булан-кобинской культуры: «улу-чолтухской» — ингумация без лошади с ориентацией в восточный сектор (курган №24); «карбанской» — ингумация без лошади с ориентацией по западному сектору (курганы №5а, 15) «берельской» — ингумация человека с лошадью, уложенной «сбоку» от человека, с ориентацией головой по восточному сектору (курган № 21) [12, с. 103–113]. Три из четырех детских захоронений содержали сопроводительный инвентарь, включающий следующие категории предметов.

Предметы вооружения. Железный боевой нож с треугольным в сечении клинком и прямой рукоятью без перекрестия из кургана №21 имеет аналогичные датированные экземпляры, впервые появляющиеся на Алтае во II в. н.э., возможно, под влиянием позднехунуской (конец I в. до н.э. — I в. н.э.) военной традиции [13, рис. 3; 14, р. 244; 15, табл. XVI. -5, 8; 16, зураг 6. -3; 10. -1; 17, т. 183, зураг 19]. Такой вид оружия ближнего боя пользовался большой популярностью у населения булан-кобинской культуры во II–V вв. н.э. [18, с. 180; 19].

Детали костюма и снаряжение. Наибольший интерес представляет наборный пояс из кургана №21. Он включал в свой состав следующие категории изделий: пряжку с подвижным язычком на вертлюге, т-образной рамкой и пластинчатым щитком (рис. 2. -2); кольцевой «блок» (рис. 2. -3); «блок» в виде несомкнутой петли овальной формы, фиксирующейся к ремню с помощью шпенька (рис. 2. -6); три бляхи-полуобоймы с кольцами (рис. 2. -4, 5, 11); бляхи-зажимы (не менее 58 экз.) в виде узких вертикально ориентированных пластин, образующих почти сплошную металлическую «ленту» на участке спины (рис. 2. -12–23); накладку, соединяющуюся с витой цепочкой, к которой подвешивались ножны боевого ножа (рис. 2. -35) [20, рис. 3. -2; 6. -4]. Общая длина пояса — не менее 70 см, ширина — 2 см, ширина окончания ремешка — 1,5 см. Ремень застегивался на левую сторону. Данный пояс мы отнесли к IV–V вв. н.э. на основании блях-зажимов [20].

В процессе реставрационных работ нам удалось проследить конструкцию ножен из кургана №21, от которых сохранились следующие железные детали: бортик из двух пластин-накладок со стороны лезвия, соединяющихся друг с другом с помощью вставных шпеньков с выпуклыми шляпками, две обоймы прямоугольной формы, одна из которых охватывала устье ножен, а другая располагалась ближе к их окончанию, витая цепочка из трех восьмерковидных звеньев, один конец которой крепился с помощью хомута к бортику, а второй — аналогичным способом к железной прямоугольной накладке наборного пояса (рис. 2.-34, 35, 36). Изучение центральноазиатских аналогий и взаимной встречае-

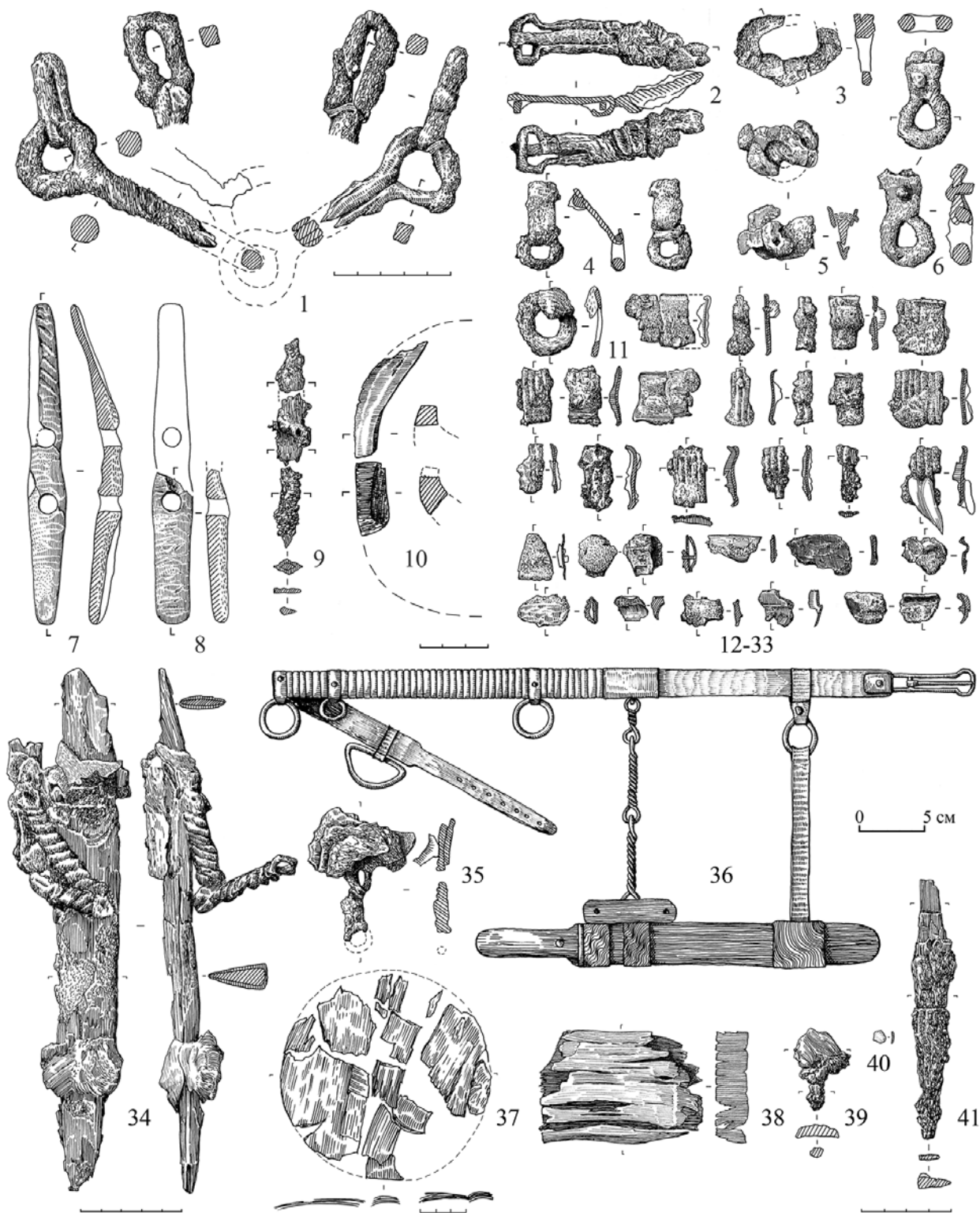

Рис. 2. Предметный комплекс из детских погребений в курганах №21 (1–35) и №24 (36–40) могильника Степушка-I:
 1 — удила; 2 — пряжка; 3 — кольцо; 4, 5, 11–23 — бляхи; 6 — блок; 7, 8 — палии; 9, 41 — бытовые ножи;
 10 — фрагмент блюда; 34 — боевой нож, 24–33, 35 — детали ножен; 37 — подставка; 38 — дисковидный предмет;
 39, 40 — фрагменты металлических предметов; 35 — реконструкция наборного пояса. 1, 9, 2 — 35, 39, 41 — железо,
 7, 8 — рог, 10, 38 — дерево, 37 — береста, 40 — бронза

мости ножен с железными цепочками с другими датирующимися категориями инвентаря в закрытых комплексах булан-кобинской культуры показывает факт предпочтительного появления их на Алтае в IV в. н.э. с верхней хронологической границей бытования в рамках V в. н.э. [21, рис. 3. -1, 2; 22]. На сегодняшний день они происходят из погребений, исследованных на могильниках Булан-Кобы-IV, Дялян, Яломан-II, Кок-Паш, Пазырык, Степушка.

В кургане №24 обнаружены сильно корродированный железный обломок (рис. 2. -39), являющийся, скорее всего, частью поясной пряжки, а также мелкий фрагмент бронзового украшения головного убора (рис. 2. -40).

Орудия труда и предметы быта. Бытовые ножи из курганов №21, 24 представляют собой коротколезвийные образцы с поражающей частью менее 12 см и толщиной спинки до 0,5 см (рис. 2. -9, 41). Они часто встречаются в памятниках II–V вв. н.э. [23, с. 21, 117–118].

Миниатюрный керамический сосуд с плоским дном из захоронения ребенка в кургане №5а имел форму банки (высота — 8,5 см, диаметр тулова — 10 см) с отогнутым наружу венчиком, диаметром около 10 см (рис. 1. -5). В археологических материалах Алтая сянбийско-жужанского времени точные аналогии ему нам не известны. Деревянное блюдо из кургана №21 сохранилось в виде небольшого фрагмента (рис. 2.-10). В булан-кобинских памятниках Алтая деревянные блюда находят нечасто, что объясняется их плохой сохранностью. Они происходят из разновременных комплексов (Яломан-II, Булан-Кобы-IV, Белый-Бом-II, Бош-Туу-I, Курайка) [24, с. 118, 120; 25, с. 178; 26, рис. 10. -1; 13. -3; 17. -1; 27; 28, с. 210]. В кургане №24 обнаружено изделие диаметром 14 см, выполненное из одного слоя бересты (рис. 2. -37), на котором лежали позвонки овцы и железный нож. Похожие предметы, называемые «крышками» или «подставками» (обычно из нескольких слоев бересты, сшитых вместе), часто встречаются в Центральной Азии в погребальных комплексах хунну (конец I в. до н.э. — I в. н.э.) и ранних сянби (конец I — начало III в. н.э.) [17, т. 184, 241; 29, рис. 44, 48. -2, 49, 51. -2, 55, 56. -2; 30, с. 251; 31, с. 40; 32, с. 110]. Похожий предмет найден в раннебулан-кобинском погребении конца I в. до н.э. — I в. н.э. на могильнике Яломан-II (материалы не опубликованы). Деревянный диск плохой сохранности из кургана №24 имел диаметр 7,5 см, толщину — 1,4 см

(рис. 2. -38). Назначение данного предмета не ясно (имитация зеркала?), особенно если учесть контекст его расположения на лицевой части черепа ребенка.

К снаряжению верхового коня относятся железные соединенно-крюковые удила с петельчатыми окончаниями звеньев и дополнительными петлями овальной и восьмерковидной формы, совмещенные с роговыми двудырчатыми псалями (курган №21) (рис. 2. -1, 7, 8). Кочевники Алтая применяли удила данной модификации на протяжении II–V вв. н.э. Количественно они преобладают в комплексах IV–V вв. н.э. Обнаруженные костяные псалии в процедуре датирования малоинформативны.

Предметный комплекс дает основания датировать курган №21 IV в. н.э. Данный вывод подтверждают результаты радиоуглеродного анализа остеологического материала человека (образец Ле-9436) и лошади (ИМКЭС-14С95) [33]. Археологический возраст остальных детских погребений определяли с учетом относительной хронологии инвентаря и особенностей их планиграфии — соотношения с датированными закрытыми комплексами некрополя¹. Так, курган №5а вплотную примыкал к кургану №5 IV в. н.э. [8, с. 20–23]. В парном погребении мужчины и ребенка из кургана №15 зафиксированы изделия, датирующиеся в рамках II–V вв. н.э. Принимая во внимание, что этот курган прилегал северо-восточным краем к насыпи кургана №19 [9], его можно отнести к IV в. н.э., видимо, к середине — второй половине столетия. Инвентарь из кургана №24 соответствует протяженному отрезку времени (I–V вв. н.э.). Локализация объекта вплотную с курганом №19 позволяет допустить его возведение в рамках 2-й половины IV — начала V в. н.э.

Детские погребения отличались качественным и количественным составом инвентаря, что отражало их индивидуальные особенности и неодинаковый социальный статус как представителей разных семейно-родственных коллективов. Наиболее высокое этносоциальное положение имел ребенок пяти-шести лет из кургана №21, которого похоронили с верховым конем, боевым ножом, наборным поясом и другими предметами. Присутствие клинкового оружия и пояса определенно указывает на его принадлежность к верхним слоям общества. Похожий случай нахождения боевого ножа и пояса в могиле ребенка младшей возрастной подгруппы зафиксирован в некрополе булан-кобинской культуры Белый-Бом-II [24, с. 120]².

¹В процессе раскопок установлены случаи примыкания насыпей курганов друг к другу, отражающие их относительную хронологию. Имеющиеся наблюдения позволяют сделать вывод, что самые поздние захоронения (курганы №19, 17, 21, 24) были совершены на восточном и юго-восточном участках могильника.

²В кандидатской диссертации С.С. Матренина [13] учтено шесть детских погребений булан-кобинской культуры, содержащих предметы вооружения. Данные свидетельства относятся к позднесянбийскому периоду (вторая половина III — первая половина IV в. н.э.). С учетом материалов западной и восточной групп могильника Степушка выборка детских погребений с оружием расширилась до восьми.

Курган №24 содержал останки ребенка возрастом около двух лет с достаточно многочисленным «социально не привилегированным» инвентарем. При социальной интерпретации этого захоронения стоит помнить, что у носителей булан-кобинской культуры безынвентарность являлась нормой похоронного ритуала для детей до трех лет, часто даже независимо от того, что они относились к неравным по материальному положению семейно-родственным группам. Данный ребенок, вероятно, являлся представителем состоятельной части рядового населения (либо были какие-то иные причины помещения с ним такого инвентаря). Погребение ребенка пяти-шести лет с керамическим сосудом в кургане №5а и захоронение ребенка возрастом около двух лет без вещей в кургане №15 демонстрируют «стандартную» ситуацию для «средней» и «бедной» прослоек булан-кобинского социума.

Всего на могильнике Степушка в восточной и западной группах было похоронено 11 детей, что составляет 22% от их общего количества (54) человеческих захоронений, вскрытых на этом памятнике.

Из 11 индивидов с установленным возрастом шесть (два — Степушка-I; четыре — Степушка-II) — это дети возрастом до трех лет, трое (два — Степушка-I; один — Степушка-II) — от пяти до 10 лет, двое (один — Степушка-I; два — Степушка-II) — подростки 10–12 лет. Данные выкладки, с одной стороны, подтверждают довольно типичную для древних и средневековых обществ картину повышенной смертности индивидов в возрасте до трех лет, а с другой — фиксируют большую вероятность смерти группы *infantis-II*. Археологические материалы демонстрируют социальную неоднородность кочевников Алтая сянбийско-жужанского времени, а также документируют сложные условия существования популяции, оставившей некрополь Степушка. В этом контексте следует отметить, что на данном памятнике было похоронено достаточно много людей, умерших в возрастном интервале 14–20 лет, выявлены посмертные боевые травмы у подростка 12,5–13,5 лет, мужчин разного возраста, зафиксировано сравнительно большое количество кенотафов (15%) и ритуальных выкладок.

Библиографический список

1. Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Степушка-I — памятник кочевников Алтая сянбийско-жужанского времени // Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. — Челябинск, 2013.
2. Соенов В.И. Полевые археологические исследования научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГОУ ВПО ГАГУ в 2010 г. // Древности Сибири и Центральной Азии. — №3 (15). — Горно-Алтайск, 2010.
3. Соенов В.И., Трифанова С.В. Пупарии *sarcophadidae* в погребении гунно-сарматского времени некрополя Степушка-II // Теория и практика археологических исследований. — 2014. — №1 (9).
4. Соенов В.И., Трифанова С.В. Парциальное погребение гунно-сарматского времени на некрополе Степушка-2 // Теория и практика археологических исследований. — 2015. — №1 (11).
5. Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В. Детские погребения могильника Степушка-II // Известия лаборатории древних технологий. — Вып. 3 (16). — Иркутск, 2015.
6. Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В. Кенотафы могильника Степушка-2 // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. — Барнаул, 2015.
7. Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В. Антропология: учебник. — М., 2005.
8. Матренин С.С., Тишкин А.А., Шмидт А.В. «Всадник без головы» эпохи великого переселения народов из Центрального Алтая // Теория и практика археологических исследований. — 2014. — №1 (9).
9. Тишкин А.А., Матренин С.С. Воинское погребение раннежужанского времени на могильнике Степушка-I в Центральном Алтае // Краткие сообщения института археологии Российской академии наук. — Вып. 231. — 2013.
10. Соенов В.И., Константинов Н.В., Трифанова С.В. Особенности детского погребального обряда могильника Степушка-II на Алтае (предварительное сообщение) // Вестник Томского государственного университета. — 2016. — №404.
11. Tur S.S., Matrenin S.S., Soyonov V.I. Interpersonal Violence in the Altai Mountains during the Late Hunno-Sarmatian Period // European Meeting of the Paleopathology Association. — Moscow, 2016.
12. Матренин С.С., Тишкин А.А. Опыт выделения локально-территориальных групп населения Горного Алтая хуннского времени (по материалам погребальных памятников) // Теория и практика археологических исследований. — Барнаул, 2007. — Вып. 3.
13. Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. — №2. Горно-Алтайск, 1997.
14. Treasures of the Xiongnu. Culture of Xiongnu, the First Nomadic Empire in Mongolia. — Ulaanbaatar, 2011.
15. Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). — Улан-Удэ, 1976.

16. Цэвэндорж Д. Бага газрын чулуу, Тарвагатай, Хүүшийн хөтөл, Баруун хайрханы хүннү булш // Археологийн судлал.— Улаанбаатар, 2000. — Т. XX (на монг. яз.).
17. Төрбат Ц., Амартүвшин Ч., Эрдэнэбат. Эгийн голын сав археологийн дурсгалууд (хүрлийн үеэс моголын үе). — Улаанбаатар, 2003 (на монг. яз.).
18. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). — Барнаул, 2006.
19. Горбунов В.В. Основные этапы развития военного дела у кочевников Горного Алтая во II в. до н.э. — V в. н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории. Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. — Челябинск, 2007.
20. Тишкин А.А., Матренин С.С., Кунгуров А.Л. Наборные пояса кочевников Алтая эпохи великого переселения народов из памятника Степушка-I // Российская археология. — 2015. — №1.
21. Николаев Н.Н. Поясные наборы могильника Кокэль // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. — СПб., 2000.
22. Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Боевые ножи кочевников Алтая эпохи Великого переселения народов (по материалам могильника Степушка-I) // История и культура средневековых народов степной Евразии. — Барнаул, 2012.
23. Соенов В.И., Константинова Е.А. Ремесленные производства населения Алтая (II в. до н.э. — V в. н.э.). — Горно-Алтайск, 2015.
24. Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый-Бом II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. — Горно-Алтайск, 1983.
25. Мамадаков Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. — Барнаул, 1985.
26. Соенов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. — №3. — Горно-Алтайск, 1998.
27. Соенов В.И., Штанакова Е.А. Деревянная посуда из погребений могильника Курайка // Теория и практика археологических исследований. — Вып. 6. — Барнаул, 2011.
28. Тишкин А.А. Деревянные находки из памятника Яломан-II на Алтае // Теория и практика археологических исследований. — Вып. 6. — Барнаул, 2011.
29. Яремчук О.А. Могильник Зоргол-I — памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии : дис. ... канд. ист. наук. — Чита, 2005.
30. Ковычев Е.В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. // Известия лаборатории древних технологий. — Вып. 4. — Иркутск, 2006.
31. Могильник Саньдаовань в аймаке Чаохоу // Открытие и исследование сяньбийских могильников во Внутренней Монголии. — Пекин, 2004 (на кит. яз.).
32. Могильник Яньчи в окрестностях г. Эрэн-хото // Открытие и исследование сяньбийских могильников во Внутренней Монголии. — Пекин, 2004 (на кит. яз.).
33. Тишкин А.А., Матренин С.С. Новые данные по радиоуглеродному датированию погребальных комплексов булан-кобинской культуры Алтая (по материалам раскопок курганной группы Степушка-I) // Теория и практика археологических исследований. — 2013. — №1 (7).